

И.В. Журавлев, Ю.В. Журавлева

**ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ОБРАЗ – ПРОЦЕСС»
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЦЕПТИВНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В настоящей работе будут рассмотрены методологические основы теории перцептивной деятельности, сформировавшейся в отечественной психологии, а также имплицированные в этой теории средства анализа механизмов и приемов коммуникативного воздействия.

Ключевые слова: перцепция; перцептивная деятельность; методология; образ и процесс; коммуникативное воздействие.

In this article we consider methodological backgrounds of perceptual activity theory formed in Russian school of psychology. Also we discuss means to analyze mechanisms and strategies of persuasive communication implicated in this theory.

Keywords: perception; perceptual activity; methodology; image and process; persuasive communication.

1. Теория «образа мира»

Любая современная теория перцепции в скрытом или явном виде позиционирует себя в отношении к классической оппозиции внутреннего и внешнего, субъекта и объекта. Даже руководствуясь принципом активности субъекта, современный исследователь часто оказывается вынужден совершать, по меткому выражению

Г. Риккерта, «прыжок через пропасть» между субъектом и объектом. Среди предпринимавшихся в науке попыток отказа от оппозиции «субъект – объект» достаточно продуктивной представляется попытка, предпринятая в русле психологической теории деятельности, мыслящей субъект-объектное пространство как континуум: «Онтологически первичен... не объектный мир и противополагаемый ему субъект (кардинальная точка зрения), а единый континуум, в котором субъект взаимодействует с миром объектов» [Леонтьев, 2001, с. 262]. Но тогда и «...главное различие, лежавшее в основе классической картезианско-локковской психологии, – различие, с одной стороны, внешнего мира, мира протяжения, к которому относится и внешняя, телесная деятельность, а с другой – мира внутренних явлений и процессов сознания, – должно уступить свое место другому различию, с одной стороны, – предметной реальности и ее идеализированных, превращенных форм <...>, с другой стороны, – деятельности субъекта, включающей в себя как внешние, так и внутренние процессы» [Леонтьев, 1975, с. 99–100]. Поэтому «действительная противоположность» – это противоположность образа и процесса (безразлично внутреннего или внешнего), а не противоположность сознания предметному миру. Образ и процесс связаны динамическими отношениями и «бывают тождественными», при этом образ инертен, он «отстает от процесса» [Леонтьев, 2003, с. 368].

Рассматривая противопоставление «образ – процесс», следует упомянуть о двух близких идеях, возникших в отечественной философии. Во-первых, это утверждение Э.В. Ильенкова о том, что *идеальное* существует исключительно «во встречном движении» формы деятельности и формы вещи [Ильенков, 1962]. «Кардинальное отличие способа действия мыслящего тела от способа движения любого другого тела... заключается в том, что мыслящее тело активно строит (конструирует) форму (траекторию) своего движения в пространстве сообразно с формой (с конфигурацией и положением) *другого тела*, согласовывая форму своего движения (своего действия) с формой этого другого тела, причем *любого*» [Ильенков, 1974, с. 32]. Во-вторых, это идея М.К. Мамардашвили о различии между феноменом и явлением. «Условия, на которых мыслится, видится определенное содержание, не совпадают с экспликацией самого этого содержания. Есть еще неуловимый феномен существования содержания, который мы не замечаем, потому

что мы через содержание видим мир» [Мамардашвили, 2008, с. 36]. Иначе говоря, следует различать представленное в сознании содержание (то, что явлено) и феноменальную ткань этого содержания (то, что «в действительности произошло»): чтобы существовал сознательный образ, субъектом должна производиться определенная «работа» (например, микродвижения глаз в ходе визуального восприятия предмета), которая, однако, заслоняется от сознания объективируемым в процессе этой «работы» предметным содержанием.

В теории перцептивной деятельности, разработанной А.Н. Леонтьевым и представителями его школы, ключевой категорией является категория *образа мира*. Образ мира понимается как отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и поддающееся сознательной рефлексии. «Мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений... Человек не “номинирует” чувственные образы предметов – предметные значения суть компонент этих образов, то, что их цементирует для человека...» [Леонтьев, 1997, с. 268–269]. Образ мира *первичен* по отношению к отдельным чувственным восприятиям: «...условием адекватности восприятия отдельного предмета является адекватное восприятие предметного мира в целом и отнесенности предмета к этому миру» [Зинченко, 1983, с. 149].

Образ мира *амодален*, так как по способу происхождения он соотносится не со стимулом, а с действиями субъекта в предметном мире [Зинченко, 1983, с. 147]. Но если образ формируется в ходе деятельности (а на втором шаге и руководит ею), то и восприятие предстает как *активный процесс*, в ходе которого реципирующая система *уподобляется* свойствам воздействующих на субъекта предметов (здесь можно вспомнить приведенные выше слова Э.В. Ильенкова о движении тела по форме другого тела). А.Н. Леонтьеву удалось экспериментально продемонстрировать, что уподобление процессов в реципирующей системе свойствам предмета (в ходе его «опробования», «прощупывания») является общим механизмом восприятия: моторные звенья реципирующей системы «не просто дополняют или усложняют конечный сенсорный эффект, но входят в число основных компонентов данной системы» [Леонтьев, 1959, с. 179]. Это положение, сформулированное полвека назад, подтверждается и современными когнитивными

исследованиями, демонстрирующими активацию моторных систем мозга в ходе восприятия предмета: «...зрительно-моторные нейроны зон F5 и AIP активируются и при выполнении моторной задачи (хватание объекта), и при задаче пассивного наблюдения (без моторного компонента)... Другими словами, зрительный образ чашки есть только лишь предварительная форма действия, некий призыв к движениям руки, который... определяет ее функции и возможности для действия, которые она в себе заключает» [Риццолатти, Синигалья, 2012, с. 56].

В связи с этим становится понятной наиболее глубокая характеристика образа мира – его прогностическая направленность. Образ мира представляет собой не столько отображение прошлого и настоящего, сколько отражение будущего, т.е. *систему ожиданий* и прогнозов человека, совершающего те или иные действия. В этой системе ожиданий можно выделять различные уровни или слои [Смирнов, 1983, с. 152].

2. Объекты «особой плотности» и многослойность сознания

В известных психологических примерах слепой человек воспринимает не свою палку, а дорогу при помощи палки; хирург взаимодействует не со скальпелем, а с раной посредством скальпеля; палка или скальпель выступают здесь как средства или «органы» восприятия, которые не объективируются до тех пор, пока служат для объективации чего-то другого. Представим теперь, что слепой уткнулся палкой в стену и перестал ей двигать: восприятие немедленно прекратится, и человек не сможет понять, что перед ним стена (аналогичным образом прекращается визуальное восприятие предмета, когда прекращаются микродвижения глаз). Чтобы воспринимать, необходимо осуществлять определенную «работу», необходимо в буквальном смысле *прощупывать* реальность. Но воспринимаемым содержанием оказывается при этом не движение наших «органов», не наша «работа», а объект, на который эта «работа» направлена. Форма объекта выступает как форма самой этой «работы» (форма деятельности) и тем самым «цементирует», упорядочивает ее (процесс «живет» в образе в снятом виде).

Оговоримся, что, беря слово «орган» в кавычки, мы имеем в виду не органы восприятия в физическом смысле, а ментальные

конструкции или схемы разной степени сложности, которые можно трактовать как формы активности субъекта (так, в приведенном примере с палкой в руке слепого «органом» в точном смысле является сенсомоторная схема, т.е. схема возможных или ожидаемых движений, осуществляемых при помощи палки). Здесь уместно сослаться на следующие слова М.К. Мамардашвили: «...для того чтобы испытать, действительно пережить какое-то живое чувство или живое восприятие, человек должен иметь, получить или создать сам, сотворить какую-то конструкцию, которая является органом, или средством, для человека испытать неорганические восприятия и чувства, которые он не мог бы испытать в результате функционирования своих естественных природных устройств» [Мамардашвили, 2008, с. 222]. Восприятие всегда опосредовано (а лучше сказать – опосредовано) активностью соответствующих «органов»; в случае человеческого, сознательного восприятия в качестве таких «органов» или средств выступают созданные и интегризованные человеком конструкции, различные компоненты или слои его образа мира (т.е. его *системы ожиданий*) – сенсомоторные схемы, предметные и вербальные значения, повседневные и научные теории, мифы.

Процесс восприятия выглядит достаточно просто до тех пор, пока мы рассматриваем его как процесс уподобления средства восприятия (т.е. «органа») форме воспринимаемого объекта. Однако в некоторых ситуациях воспринимаемыми (объективируемыми) оказываются сами средства восприятия (если палка в руке слепого поведет себя непредсказуемым образом, она тут же превратится в воспринимаемый объект): для восприятия средства как объекта должны опять-таки задействоваться другие средства, форма которых будет подчиняться форме этого объекта-средства.

Конструкции, которые в одних случаях выступают как средства или «органы» восприятия, а в других – как воспринимаемые объекты, мы будем называть *объектами особой плотности*.

Рассмотрим примеры.

Как говорил Р. Барт, наделить знак двусмысленностью – значит придать ему затрудняющую его восприятие плотность [Барт, 1989, с. 63]. Именно плотность (знака или сообщения) побуждает воспринимающего к различным толкованиям, требуя от него *усилия интерпретации* (это описано как эффект *деавтоматизации* восприятия). Сообщение, оставляющее меня в недоумении, –

это «такое сообщение, на которое я смотрю, соображая, как оно устроено» [Эко, 2004, с. 100]. Эстетическое сообщение неоднозначно по отношению к той системе ожиданий, которая и есть код: «С того мига, как начинает разворачиваться игра чередующихся и наслаждающихся друг на друга интерпретаций, произведение искусства побуждает нас переключать внимание на код и его возможности» [Эко, 2004, с. 118].

Современное искусство, если датировать его рождение приблизительно концом XIX в., характеризуется как раз появлением «двойных» произведений, повествующих одновременно и о себе, и о некотором содержании (это картины-объекты, тексты-объекты, фильмы-объекты и др.). Текст Пруста, Набокова или Джойса иммунизирован от исчезновения, от превращения в прозрачные очки, сквозь которые читатель следит за сюжетом: такой текст повествует о самом себе, он имеет «плотность», заставляющую читателя балансировать между восприятием текста как объекта и текста как содержания. Аналогично рассуждение М. Фуко о живописи Э. Мане: «Мане заново изобретает (а может быть, изобретает впервые?) картину-объект, картину как материальность, картину как нечто раскрашенное, то, что освещается внешним светом и перед чем или вокруг чего может ходить зритель. Изобретение картины-объекта, повторное введение материальности холста в изображаемое – это, мне кажется, самая суть грандиозной перемены, произведенной Мане в живописи...» [Фуко, 2011, с. 23].

Эффект объективации средства демонстрируется и на примере восприятия мифа (в бартовском смысле). Мифическое сообщение всегда является неоднозначным, оно сродни окну, глядя в которое, можно воспринять либо стекло, либо пейзаж за стеклом: «...миф – это двойная система; в нем обнаруживается своего рода вездесущность: пункт прибытия смысла образует отправную точку мифа... значение мифа представляет собой некий непрерывно вращающийся турникет, чередование смысла означающего и его формы, языка-объекта и метаязыка, чистого означивания и чистой образности. Это чередование подхватывается концептом, который использует двойственность означающего, одновременно рассудочного и образного, произвольного и естественного» [Барт, 1989, с. 88].

Подобная ситуация может быть прослежена и в ходе развития научного знания: «...всякое объективное знание служит людям дважды – сначала как объяснение окружающей реальной действи-

тельности, а затем в качестве средства, метода при решении тех или иных проблем. Фактически любая научная теория выполняет методологические функции, когда она используется за пределами ее собственного предмета, а научное знание в целом играет роль методологии по отношению к совокупной практической деятельности человека. <...> В развитии каждой науки наступает период, когда в ней система знания начинает “давать перебой”, перестает “работать” с прежней безотказностью. В системе знания обнаруживаются парадоксы. Их возникновение является первым сигналом к анализу самого знания, т.е. к методологическому анализу процесса получения знания» [Юдин, 1978, с. 34–35].

Итак, средство объективируется, когда система ожиданий оказывается нарушенной: как слепой обращает внимание на палку, когда она начинает двигаться непредсказуемо, так и интерпретирующий сообщение обращает внимание на код, если интерпретация вызывает у него затруднения. Однако этот простейший, казалось бы, путь снятия противоречия требует «включения» еще двух сопряженных процессов. С одной стороны, как мы уже говорили, чтобы «орган» воспринимался как объект, должна производиться определенная «работа», должен идти процесс, как бы покрывающий образом этого нового объекта. С другой стороны, сама объективация «органа» создает противоречие нового уровня, которое тоже требует своего снятия; объективация сама выступает как процесс, который требует фиксации, «цементирования» новыми средствами – например, противоречие на уровне визуального ряда может быть снято, разрешено словесной формулировкой. Таковы сложные взаимопереходы между *образом* и *процессом*, осуществляющиеся на разных уровнях сознания [Журавлев, 2010].

Здесь снова целесообразно сослаться на М.К. Мамардашвили. В девятой лекции из его курса «Проблемы анализа сознания» (еще не опубликованной, но доступной в Интернете в виде аудиозаписи) присутствует принципиально важная формулировка: «В том, как функционирует и образуется сознание, есть одно очень странное и сложное для исследователя свойство – свойство структур сознания вступать между собой в такие взаимоотношения, что какие-то слои сознания тяготеют к тому, чтобы выражаться в терминах других, более высоких или просто других слоев сознания. А исследователь в конечном итоге, подходя к объекту исследования, в котором имплицированы сознательные акты, сталкивается именно с этим про-

дуктом, в котором ему не дана ни последовательность этих слоев, ни сам факт вообще, что имеет место такое свойство сознательной жизни, а именно, что одни слои сознания или одни содержания сознания живут в других терминах, в других содержаниях сознания, таких, что вторые не суть действительность первых».

Сознание может быть представлено как многоуровневая система средств или «органов» «прощупывания» мира, причем на каждом уровне в образе сознания можно различить свою феноменальную ткань (или вскрыть отношение «образ – процесс»). Любое средство сознания выполняет организующую функцию по отношению к движению средств низшего уровня, выступая как форма такого движения. Например, научная теория формулируется на основе фактов, но в то же время она задает для исследователя способ их обнаружения и «фильтрует» исключения. Аналогичным образом, вербальное значение является результатом превращения формы предметных отношений, но в то же время само служит для управления предметной деятельностью. Наконец, предметное значение строится на базе сенсомоторной активности (перевод движения в действие), но в то же время «снимает» ее – и потому человек воспринимает предмет (константно), а не активность своих органов восприятия. Форма активности, задаваемая тем или иным средством сознания, является *правилом*, которому подчиняется движение средств низшего уровня (как форма предмета, ощущаемого рукой, подчиняет себе движения руки).

3. Воздействие на сознание

Данная модель функционирования сознания позволяет анализировать взаимодействие между различными уровнями и типами сообщений, а также технологии рекламы и других видов коммуникативного воздействия. Принципиальная осуществимость *взаимопереводов* между образом и процессом и *снятия* процесса в образе (или «жизни» одних слоев сознания в других) допускает возможность трансляции реципиенту сообщений одновременно или поочередно на разных уровнях (например, предметном, вербальном), а также одновременно на уровне процесса (запуск поисковой активности) и образа (снабжение «готовой» интерпретацией).

Если трактовать образ мира как систему ожиданий, то способы коммуникативного воздействия могут быть сведены к следующим вариантам:

- 1) подстройка под существующую систему ожиданий;
- 2) поломка существующей системы ожиданий и формирование *неопределенности*, требующей снятия, фиксации новыми средствами;
- 3) формирование новой системы ожиданий. По-видимому, эти варианты могут (и должны) совмещаться друг с другом.

Подстройка под существующую систему ожиданий ради достижения определенного эффекта демонстрируется целым рядом ситуаций. Когда нам протягивают руку для рукопожатия, мы следуем устойчивому стереотипу и протягиваем руку в ответ; в своих актуальных движениях мы движемся по «силовым линиям» традиций, этикета, культуры, языка. Простого употребления союза «потому что» иногда достаточно, чтобы воспринимающий сообщение расценил его как истинное или повел себя так, как от него требуют (известный эксперимент Э. Лангер) [Langer, Blank, Charnowitz, 1978].

Эффект разрушения системы ожиданий демонстрируется на примере индейцев бороро, которых пытались обратить в христианство приехавшие в Южную Америку миссионеры. Эти индейцы из века в век строили свои поселения в соответствии со строгими правилами; в центре они располагали большой мужской дом для специальных обрядов, а по окружности выстраивали семейные хижины, соединенные с центральным домом системой тропинок. Выяснилось, что обратить индейцев бороро в христианство значительно проще, если предварительно заставить их отказаться от традиционного типа поселения и, к примеру, поставить хижины вдоль берега реки [Леви-Стросс, 1999, с. 278–279]. В психотерапии аналогичные ситуации описаны как ситуации создания и утилизации замешательства (например, наведение транса прерванным рукопожатием). Нарушение стереотипа создает состояние неопределенности, которого обычно человек стремится избегать. Поэтому, испытывая неопределенность, люди часто готовы воспользоваться первым представившимся способом ее уменьшить (например, поддаться внушению и погрузиться в транс) [Гиллиген, 2011, с. 293]. Поломка в системе ожиданий, приводящая к деавтоматизации восприятия, может быть использована как способ привлечения внимания к носителю информации и вторично – к транслируемому

содержанию. Рекламный ролик обычно поражает нас тем, как он устроен; мы обращаем внимание на особенности видеоряда и часто вспоминаем не то, что нам «хотели» сказать или показать, а то, как это было предъявлено.

Эффект формирования системы ожиданий также легко продемонстрировать на примере психотерапии: человек, будучи «снабжен» наименованиями и когнитивными конструкциями, вынужден ожидать от себя соответствующих этим конструкциям и наименованиям изменений, ощущений, поступков и т.п. (на этом же механизме основан плацебо-эффект).

Напомним, что форма активности, задаваемая средством сознания любого уровня, выполняет роль правила, которому подчиняется движение средств низшего уровня: рекламные, политические, научные мифы (как вторичные семиотические системы, по Р. Барту) служат для организации предметной деятельности, быта, повседневных ритуалов – так же как система предметных значений служит для организации сенсомоторики. Формы движения «спрятаны» в предметах, так же как сами предметы «спрятаны» в вербальных конструкциях.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что сформулированная А.Н. Леонтьевым идея о противоположности образа и процесса, как и в целом теория образа мира, обладает огромным методологическим потенциалом и может служить основой для дальнейшего развития современных представлений о перцептивной деятельности.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Гиллиген С. Терапевтические трансы. – М.: Психотерапия, 2011. – 448 с.
3. Журавлев И.В. Органы сознания и механизм объективации // Вопр. психолингвистики. – М., 2010. – № 2 (12). – С. 141–150.
4. Зинченко В.П. От генезиса ощущений к образу мира // А.Н. Леонтьев и современная психология: (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева). – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 140–149.
5. Ильинов Э.В. Диалектическая логика. – М.: Политиздат, 1974. – 271 с.
6. Ильинов Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. – М.: Большая Сов. энциклопедия, 1962. – Т. 2.– С. 219–227.
7. Леви-Стросс К. Печальные тропики. – М.: АСТ, 1999. – 576 с.

8. Леонтьев А.А. Деятельный ум. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
9. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
11. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1959. – 496 с.
12. Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. – М.: Смысл, 2003. – 439 с.
13. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики: (Вильнюсские лекции по социальной философии). – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 304 с.
14. Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. – М.: Языки славян. культур, 2012. – 208 с.
15. Смирнов С.Д. Понятие «образ мира» и его значение для психологии познавательных процессов // А.Н. Леонтьев и современная психология: (Сборник статей памяти А.Н. Леонтьева). – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 149–155.
16. Фуко М. Живопись Мане. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 232 с.
17. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. – СПб.: «Симпозиум», 2004. – 544 с.
18. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
19. Langer E., Blank A., Chanowitz B. The mindlessness of ostensibly thoughtful action // J. of personality a. soc. psychology. – Wash., 1978. – Vol. 36. – P. 635–642.